

II. НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, КУЛЬТУРА.

Г.П.Щедровицкий, кандидат философских наук

Системодеятельностный подход в анализе и оценке места и функций естественно-научных картин мира в современном мировоззрении

I. Вот уже более 300 лет естественно-математические науки играют ведущую роль в развитии всей сферы мыследеятельности, во многом определяя не только наше мировоззрение и идеологию, но и производственные технологии. В течение всего этого времени именно естественно-математические науки давали основную базу для формирования господствующих предельных онтологий и сумели занять в этой работе ведущее место, по сути дела оттеснив философию на роль фиксатора происходящих преобразований. Из осознания этого факта уже в середине XIX в. родились, с одной стороны, марксистское требование научности философии, а с другой стороны, напротив, различные формы позитивизма, требовавшие прямой замены философии наукой.

2. Нередко эти две принципиально различные и, можно даже сказать, противоположные ориентации в развитии сферы мыследеятельности не только в зарубежной, но и в советской научно-философской литературе неправомерно сближались друг с другом. Происходило это, на наш взгляд, прежде всего из-за непонимания того, что требование научности философии в марксизме опиралось на принципиальную перестройку самого понятия научности, которое было направлено не только на изменение традиционной философии, но в такой же или даже в еще большей мере на радикальное изменение и перестройку образов и идеалов самой науки.

3. Основным методологическим средством этой перестройки в марксизме стали категории деятельности и неразрывно связанный с нею деятельностный подход. Они привели к формированию принципиально новых представлений об единстве мышления и деятельности, предметной организации мыследеятельности и историческом развитии всего этого целого, названного "общественной практикой", к отказу от прямого полагания в предельную онтологию естественнонаучных схем и КМ, они заставили также выводить предметные структуры всякой мыследеятельности не из положенных в созерцание схем объектов, а из структур самой мыследеятельности.

Самое главное для нас в этом контексте заключается в том, что обращение к категории деятельности и деятельностному подходу совершенно по-новому ставило вопрос о роли естественнонаучных систем и КМ в формировании предельных мировоззренческих онтологий, вынуждало отодвигать их на второй план и, более того, — постоянно проверять эти схемы и КМ более глубокими и принципиальными картинами исторически развивающейся, "революционно-критической" деятельности. Это означало, что в основание всех без исключения картин природы впадала историческая картина непрерывно эволюционирующей мыследеятельности и только она одна могла дать подлинные критерии научности тех или иных ЕНКМ.

4. Но то, что в середине XIX в. было лишь крайне смелой и радикальной гипотезой, во многом расходившейся с фактами тогдашних условий жизни и деятельности, теперь стало массовой и в силу этого совершенно очевидной для многих практикой нашей современной жизни. Развитие общества, происходившее последние 130 лет, выдвинуло на передний план другие типы и виды мыследеятельности — проектирование и программирование, руководство и управление — и вместе с тем уже на практическом и бытовом уровне показало ограниченность и узость естественнонаучных представлений и КМ. Сегодня мы не только понимаем, но и буквально на каждом шагу видим, что ЕНКМ является лишь одной частной формой фиксации и переноса опыта из прошлых ситуаций в будущее и лишь одной частной формой исторической трансляции культуры, развертывающейся наряду со многими другими.

5. К этому надо добавить, что и во многих практических отношениях ЕНКМ являются отнюдь не лучшими и сами по себе не могут обеспечить построения и развертывания новых систем мыследеятельности, соответствующих новым ситуациям. Характерной особенностью всех ЕНКМ является их ориентация на инварианты и универсалии разного рода, в частности — на то, что мы привыкли называть "законами" и "закономерностями". Рассматривая эту ориентацию с точки зрения системодетельных схем переноса опыта и трансляции культуры, мы можем сказать, что она равносильна установке на сведение всех будущих ситуаций к прошлым (по крайней мере в той части, которая фиксируется этими инвариантами и используется как существенная и значащая при построении мыследеятельности в новых ситуациях).

Нетрудно заметить, что эта ориентация на предметные инварианты, или "законы природы", в плане построения новой мыследеятельности означает по сути дела отказ от сознательного и целенаправленного развития мыследеятельности и сводит исторический процесс к чисто количественному росту — обстоятельство, которое в последнее время особенно подчеркивается идеологами Римского клуба. Вместе с тем очевидно и обратное отношение: если мы хотим строить свою мыследеятельность с учетом принципов развития и на их основе, то неизбежно должны отказаться от естественнонаучного подхода и ЕНКМ предельных онтологических оснований и перестраивать все ЕНКМ по крайней мере в соответствии с нашими представлениями о законах развития мыследеятельности, а более точно и строго — в соответствии с процессами и механизмами целенаправленного построения новой мыследеятельности. Такой подход конечно не отрицает необходимости и важности ЕНКМ, но он безусловно приводит к тому, что основными и предельными онтологиями становятся уже не эти картины природы и происходящих в них процессов, а картины исторически развивающейся мыследеятельности человечества (в том числе и его познавательной мыследеятельности), а все ЕНКМ, чтобы оправдать свои претензии на истинность, должны еще пройти проверку на соответствие их сложившимся практическим ситуациям и возможным в этих ситуациях "шагам" развития мыследеятельности.

В силу этого все ЕНКМ должны будут выступить в контексте этого нового мировоззрения в принципиально новой роли — не как картины самого по себе природного мира, существующего независимо от человеческой деятельности, а как картины материала человеческой деятельности, подчиняющегося одновременно как естественным законам своей автономной жизни, так и искусственно-техническим механизмам развития мыследеятельности.